

УДК 101.3

ВЛИЯНИЕ УТОПИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ

© Андрей Евгеньевич ВОРОНЦОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, аспирант, кафедра теоретической
и прикладной социологии, e-mail: albatros4@mail.ru

Рассмотрен образ будущего и его составляющие в утопической и экзистенциальной философии. Выявлены его составляющие: индивидуальные и коллективные ожидания, связанные с будущим общества, государства и человечества. Проанализированы различные типы эмоционального отношения к будущему и составлена периодизация утопических моделей будущего.

Ключевые слова: ожидания; будущее; образ будущего; утопия.

Человек привык к предсказуемости своей жизни, общество строится на ожиданиях, соответствующих социальным ролям, неопределенность будущего беспокоит членов социума. Все коллективные действия предполагают регламент, логическую последовательность, связь индивида с группой. Соблюдение норм, правил, законов необходимо для поддержания порядка, баланса в обществе.

Ожидания – одна из категорий, описывающих взаимодействие людей в обществе, без которой общество теряет организованность. В современных социологических теориях ожиданий акцент делается на обмене, солидарности, формальных и неформальных отношениях (символический интеракционизм, структурный функционализм, теории социального капитала и др.). Изучение ожиданий в отношении будущего, его предугадывание, прогнозирование – непосредственная задача социологии как науки об обществе. Как правило, пресс-релизы крупнейших центров социологических исследований так или иначе затрагивают эту тему каждый месяц: каким видят свое будущее жители страны, чего они ждут от будущего, какие планы на дальнейшее строят (ФОМ, Левада-центр, ВЦИОМ и др.).

Для нашего исследования необходимо различение понятий «будущее» в значении событий, которые еще не произошли и потому не поддаются исследованию в настоящем, и «образ будущего» как представление о грядущих событиях. Образ будущего может принимать самые разнообразные формы выражения, среди которых мы выделяем образ

будущего в утопии. Отражая эту двойственность, в сознании современного человека, формируются два противоположных полюса отношения: чувство страха перед приближением уничтожения человека и мира и чувство надежды на преодоление острых противоречий, на переход человечества на новый, более высокий уровень развития [1, с. 6].

Нидерландский социолог Ф. Полак одним из первых стал использовать словосочетание «образ будущего» в качестве самостоятельной категории. В своей работе 1961 г. «The Image of the Future» он определил «образ будущего» как позитивную модель ожидаемого будущего, проводя аналогии между образами будущего, существующими в нашем сознании, и образами искусства. Он подчеркивал образный, а не рациональный характер представлений о будущем [2, с. 220]. «Искусство – высокочувствительный культурный барометр, – писал Полак. – Это не только индикатор настоящего, но и прогнозист будущего. Образ будущего, представляемый искусством, имеет решающее значение для понимания будущего развития культуры. На деле искусство и есть образ будущего» (см.: [3]). Образы будущего позволяют, по Полаку, зримо вообразить возможные перспективы, убедительность которых основывается на свободе фантазии, в противовес рациональной ограниченности расчета. Подобные же мысли о приоритете художественного представления будущего высказывал и С. Лем в книге «Фантастика и футурология» [4, с. 11]. Образ будущего – это обобщение исследователя, выделяющего медиану

ожиданий отдельных социальных групп, общества в целом в конкретной исторической и социокультурной ситуации. Для Полака важна корреляция понятий «образ будущего» – «будущее», поскольку он считает, что ход истории проектируется настоящими представлениями о грядущем. «Взлет и падение образов будущего, – пишет он, – предшествуют или сопровождают взлет и падение культур. Пока образ общества позитивный и процветающий, культура находится в полном расцвете. Однажды образ начинает разрушаться (загнивать) и теряет свою жизненную силу, и культура тоже живет недолго». Этот же подход, подразумевающий, что «существующие в нашем сознании образы будущего способны оказывать активное воздействие на реальный ход событий», можно встретить в работах Р. Мертона [5]. Данная трактовка понятия указывает на обобщенную модель будущего, которая функционирует в конкретном обществе конкретного времени. По мнению К. Касториадиса, между понятиями «образ будущего» и «социальное воображаемое» есть различия. Последнее не есть образ чего-то существующего, а представляет собой «необусловленное творчество» в социально-исторической области. В первую очередь, Касториадис применяет свое понятие по отношению к истории, определяя его как «творчество из ничего» – творчество, отражающее аффекты и желания человека. Тем не менее, философ считает возможным проследить динамику социального воображаемого европейского общества, выделяя некий коррелят специфических черт воображения определенных периодов.

Принимая во внимание влияние Лакановского психоанализа и стремясь обозначить своеобразие своего понимания воображаемого, Касториадис подчеркивает, что фиксированность на модели видения, на «скопическом» представляет собой один из основных недостатков концепции Лакана. Воображаемое происходит не от образа в зеркале и не от взгляда Другого. Воображаемое представляет собой творение из ничего, и его скорее можно уподобить воображаемому композитора: «...Мы говорим о «воображаемом», когда хотим сказать о чем-то «изобретенном»...» [6, с. 127]. Воображаемое – это не образ чего-то, а беспрестанное и по существу недетерминированное (социально-

историческое и психическое) творение фигур / форм / образов, на основе которого только и может возникнуть вопрос о «чем-то». И социальное воображаемое – это не создание образов в обществе, а создание целостного мира данного общества.

Воображаемое и символическое, по Касториадису, предполагают друг друга: первое раскрывает природу социально-символических систем, а второе наделяет первое плотью общественного существования. Это двуединство зафиксировано в основополагающей концепции Касториадиса – понятии «социальных воображаемых означиваний». Такие сигнификации не репрезентируют нечто «реально существующее», они суть конечные артикуляции, образ будущего по аналогии с «социальным воображаемым» видится нам как отражение социальных устремлений, надежд или страхов перед будущим, как интуиция социальных возможностей. К. Касториадис связывает свое «социальное воображаемое» с особенностями человеческой психики (автономизация субъекта), а не со спецификой социума. По его мнению, «социальное воображаемое» – это среднее между свободой индивидуальной фантазии и репрессивным нормированием ее со стороны социума. Мы также склонны употреблять понятие «образ будущего» для обозначения определенных позиций во взглядах на будущее, характерных для конкретных социальных групп [7]. Однако природу образа будущего, на наш взгляд, следует искать не в области индивидуальной психологии, а скорее в «коллективном бессознательном» (в интерпретации Лакана) и феноменах общественного сознания. Таким образом, понятие «образ будущего» мы трактуем как относительно целостную картину будущего, которая вырабатывается в определенное время у определенного социума. Он формируется на базе тех мыслей и чувств, которые вызывает будущее в группах современников.

В отличие от конкретных прогнозов, например, в области развития науки или политики, комплексные социальные прогнозы никогда не оправдываются, что свидетельствует о возможности рационального расчета отдельных тенденций в процессе развития человечества, но невозможности создания на научной основе целостной перспективной

картины мира. Пока что это не представляется возможным в силу ограниченности возможностей моделирования и возникновения неизвестных ранее факторов, имеющих впоследствии большой вес. Поэтому в нашем понимании «образ будущего» – это элемент социальной реальности, элемент настоящего, который выражает видение данным социумом темпорального горизонта социальных возможностей.

Исследование образа будущего предполагает осмысление его составляющих, которые можно распределить, по меньшей мере, на две группы. К первой из них мы отнесем индивидуальные ожидания, аккумулирующие надежды конкретного человека, его заинтересованность в будущем, ко второй – социальные ожидания, связанные с будущим общества, государства, человечества в целом.

В качестве характеристики человеческого бытия индивидуальные ожидания анализировались в экзистенциальной философии. М. Хайдеггер называл заботой человеческую устремленность в будущее, считая ее одной из основных характеристик бытийствования [8, с. 341]. Продолжая теорию временного самоосуществления человеческой экзистенции, Ж.-П. Сартр подчеркивал его принципиальную свободу по отношению к будущему. Человеческая заинтересованность в будущем, по его мнению, имеет даже не пассивную форму ожидания, а активную форму реализации – проектирования и претворение в жизнь проекта [9, с. 106-117]. Эти индивидуальные ожидания мы обозначим как личный проект, объединяя в этом понятии все представления и планы, связанные с личной жизнью человека, его близких, мечты и планы на будущее.

Социальные ожидания как весь комплекс рефлексивных, по преимуществу, представлений о будущем могут быть подразделены по своему содержанию на представления о социально-государственном устройстве и социальных отношениях, семье, нравственности, религии, воспитании, науке, экологии, вопросах войны и мира, человеческой природе. По характеру социальных ожиданий мы можем говорить о доминировании в них представлений о возможном, вероятном, развитии событий (реалистически ориентированные прогнозы), размышлений о должном состоянии общества и путях его достижения

(утопиях), опасений нежелательного развития событий.

Социальные ожидания как реалистически ориентированные прогнозы находятся в центре внимания прогностики – науки, моделирующей будущее. Исследования данного направления сосредоточены обычно на проектировании будущего. «Современные исследования будущего, – пишет Е.Н. Князева, – это использование научных (трансдисциплинарных) методов для исследования будущего, построение различных сценариев развития, оценка вероятности осуществления того или иного сценария и понимание конструктивной, созидательной, активной роли человека» [10]. Социальные ожидания в форме размышлений о вероятном развитии событий изучаются социальной философией в качестве социальных и философских теорий или рассматриваются историософией, футурологией как исторические или конкретно-научные прогнозы. И. Валлерстайн предпринимает ретроспективный анализ обликов альтернативного будущего. Вводя понятие «утопийское» (Utopistics) в значении «серьезная оценка исторических альтернатив», анализирует при его помощи представления о возможном в европейском обществе.

Утопийское – это серьезная оценка исторических альтернатив, вынесение нашего суждения относительно сущностной рациональности возможных альтернативных исторических систем. Оно представляет собой трезвую, рациональную и реалистическую оценку социальных систем, их недостатков и областей, открытых для человеческого созидания. Утопия – не облик совершенного (и неотвратимого) будущего, а облик альтернативного, наверняка лучшего и исторически возможного (но вовсе не predetermined) будущего [11, с. 8]. Валлерстайн показывает, как видение / постулирование неких исторических перспектив инициирует разломы в европейской истории – от Великой французской и Октябрьской революций до студенческих выступлений 1968 г. Исследование прогностически ориентированных социальных ожиданий, их активизации или, напротив, исчезновения из общественного сознания конкретного социума способно обнаружить «моменты системной бифуркации, исторического перехода», в которые актуализируется расчет траекторий дальнейшего развития и в

которых множатся размышления о вариантах будущего. Аттракторы исторической перспективы позволяют оценить осознание обществом своей динамики развития и цели существования, и – исходя из этого – степень легитимации настоящего положения. Уильям Томас изложил основную теорему социальных наук: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям». То есть, если люди предполагают сценарий развития реальным, то они приложат усилия, чтобы претворить его в жизнь [5].

Исследования социальных ожиданий в аспекте размышлений о должном состоянии общества имеют долгую историю. Они осуществлялись обычно в рамках анализа социальной утопии и утопического сознания. В поле анализа оказывался разнообразный материал: от философских сочинений и романов до экономических проектов и политических реформ, – на основании которого исследователи проводили классификацию утопий, выделяли их характерные черты.

Можно выделить три типа эмоционального отношения к будущему: надежду, страх и безразличие. Образ будущего, вызывающий надежду, теснейшим образом связан с утопией. «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, «Идея всеобщей истории» И. Канта и даже «Манифест коммунистической партии» К. Маркса создают образы социального бытия, лишённого тех недостатков, которые авторы находили в своем настоящем, образы, вселяющие надежду на будущее. Все эти произведения, как и сочинения просветителей: Вико, Кондорсе, Вольтера, разрабатывающих идеи социального прогресса, – вдохновлены деятельным позитивным интересом к будущему.

На рубеже XIX–XX вв. появляется отчетливый страх перед грядущим. В многочисленных романах Жюль Верна мы все еще встречаем надежду на параллельный прогресс разума и нравственности, на светлое будущее, пусть и не повсеместное. С начала же XX в. писателям убедительнее удается воплощать ожидания-страхи. «О дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» Д. Оруэлла и «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери – самые популярные, но не единственные произведения, посвященные этой теме. Возможно, даже пресловутое «здесь и теперь» эки-

стенциализма указывает на выражение страха перед будущим, стремление замедлить его наступление. «Заботу», «Тревогу», «Ответственность» вполне уместно интерпретировать как эмоциональные комплексы, инициированные страхом перед грядущим [1, с. 18].

Новые черты отношения к будущему можно выявить в конце XX – начале XXI в.: появляются признаки безразличия по отношению к нему, своеобразное «освобождение от будущего». В 1990 г., констатируя конец истории, Фукуяма обнаруживает исчезновение принципиального различия между настоящим и будущим, поскольку теперь будущее перестает быть неожиданным [12, с. 325]. В творчестве Жана Бодрийера вытеснение образа будущего из настоящего просматривается наиболее отчетливо. Впервые о настоящей «неустремленности» в будущее Бодрийер заговорил в «Прозрачности зла». Характеризуя современность (книга написана в 1990 г.) как состояние «после оргии», он определяет ее как время, когда все, что могло произойти, уже произошло, когда все, чего можно было ждать, уже наступило [13, с. 56]. В статье «Город и ненависть» Бодрийер сравнивает текущее время с помойкой истории, в хаосе которой скапливается «не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла» [14, с. 109].

Еще в более широком контексте рассматривают проблему исследователи «утопического» или «утопизма» как мировоззренческой установки, нередко выстраивающие оппозицию «утопизм – реализм», или «утопизм – идеология» (Ч.С. Кирвель, М.Я. Геллер, А.М. Некрич, Е. Шацкий, Е.Л. Четкова), которых объединяет общая оценка утопии как нереалистического, прожектерского отношения к социальной реальности, сближение ее с социальными иллюзиями [5].

Нам же представляется продуктивным рассмотрение утопии как социального идеала, направленного в будущее, образа желаемого будущего. Сходным образом рассматривает утопию К. Мангейм, отмечавший, что т. н. «оторванность» утопии от жизни означает определение позитивного вектора в развитии общества, который с позиции социального настоящего оценивается как маловероятный. Мангейм полагал, что изучение

утопий позволяет увидеть, какое будущее казалось желательным для прошлых поколений людей [15, с. 122-123]. Еще более тесно утопия и желаемое будущее сближается у Э. Блоха. Для него утопия не что иное, как «удивительно красивая модель будущего мира» [16, с. 130], а утопист – своеобразный дешифровщик будущего, стремящийся прочесть его на «пейзаже желаний».

Существующие в нашем сознании образы будущего способны воздействовать на происходящие в дальнейшем события. Видение горизонта событий необходимо как социуму, так и отдельному члену общества. Стремление к идеализации, по сути, является одним из проявлений человеческой природы. Это обусловлено ростом потребностей: по мере удовлетворения первичных потребностей возникают все более сложные запросы и ожидания. Кроме того, взгляд в будущее: планирование и целеполагание – одна из черт, отличающих человека от других живых существ.

Таким образом, исследование представлений о будущем с позиции их эмоциональной насыщенности позволяет оценить настоящее состояние социума, в котором они распространены. Если позитивно окрашенный образ будущего свидетельствует о стабильном настоящем и перспективах данного социума, то страх перед будущим или безразличие по отношению к нему могут указывать на различные дисфункции социума.

1. *Желтикова И.В., Гусев Д.В.* Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология: монография. Орел, 2011.

2. *Полак Ф.* Образ будущего // Мир нашего завтра: антология современной классической прогностики. М., 2003.
3. *Шукишина Л.В.* Влияние искусства на возникновение социальных иллюзий // Регионоведение. 2008. № 3. С. 171-180.
4. *Лем С.* Фантастика и футурология: в 2 кн. М., 2004.
5. *Мертон Р.* Самоисполняющиеся пророчества // Прогнозис. 2006. № 1. С. 223-238.
6. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества: пер. с фр. М., 2003.
7. *Касториадис К.* Маркс сегодня. URL: http://www.avtonom.org/lib/theory/castoriadis/marx_today.html (дата обращения: 01.10.2012).
8. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
9. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. И. Колядко. М., 2000.
10. *Князева Е.Н.* Конструирование будущего. URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/evolep/helena/knyazeva-constructio.pdf>. Загл. с экрана.
11. *Валлерстайн И.* Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1. С. 8-56.
12. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек: пер. с англ. М., 2004.
13. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла: пер. с фр. М., 2000.
14. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // Логос. № 9.
15. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: пер. с разн. яз. М., 1991.
16. *Блох Э.* Тюбнгенское введение в философию: пер. с нем. Екатеринбург, 1997.

Поступила в редакцию 17.10.2012 г.

UDC 101.3

INFLUENCE OF UTOPIA IDEA ON FORMATION OF COLLECTIVE AND INDIVIDUAL REPRESENTATIONS ABOUT FUTURE

Andrey Evgenyevich VORONTSOV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Theoretical and Applied Sociology Department, e-mail: albatros4@meil.ru

The image of future and its components in utopia and existential philosophy is considered. Its components such as individual and collective expectations linked with future of society, state and humankind are revealed. Various types of emotional attitude to the future are analyzed; the period division of utopian models of the future is given.

Key words: expectations; future; image of the future; utopia.